

Отказ от христианства в начале XX века у немцев, в значительной степени — у англичан и, отчасти, — у русской интеллигенции — вот глубинная причина Первой мировой войны и революции 1917 года в России. Человек, который видит в реальном времени и понимает сегодняшний день, рождается раз в сто лет. Этот человек нас интересует. Евгений Трубецкой (1863—1920) — выдающийся представитель евразийства — один из тех, кто смог понять суть происходящего в России и в мире на заре XX столетия. Это время во многом схоже с настоящим. Поэтому мы вправе спросить совета у русского философа, у его судьбы.

“Внешним поводом настоящего труда являются мучительные переживания мировой бессмыслицы, достигшие в наши дни необычайного напряжения...” Этими словами начинается книга выдающегося русского философа-богослова князя Евгения Николаевича Трубецкого “Смысл жизни”, опубликованная в 1919 году. Она написана в разгар Первой мировой войны и в начале гражданской войны в России. Она есть выражение его мирозерцания, плод всей его жизни. Возможно, это наиболее мощная, пронзительная и всеобъемлющая работа в русской философии первой половины XX века.

Сегодня широко известны блестящие работы Евгения Трубецкого “Умозрение в красках” и “Три очерка о русской иконе”, к сожалению, менее знаком соотечественникам труд “Смысл жизни”. Тем не менее, вряд ли кто-нибудь станет сомневаться в том, что князь Трубецкой является одним из самых глубоких продолжателей традиций великой русской философии XIX—XX веков. Пожалуй, только он по универсальности и философской “мускулистости” может быть достойным продолжателем традиции, начатой Владимиром Соловьёвым.

Возможно, первым, кто в начале 90-х годов XX века занялся изучением наследия Е. Н. Трубецкого после полного его забвения был кинодокументалист, президент Краснодарской киностудии имени Н. Минервина Валерий Тимошенко, известный своими фильмами “Русский заповедник”, “Крестьянская история”, “Чистая победа”, в которых он, вслед за Евгением Трубецким, ищет объяснения сегодняшней действительности, “скорбному бесчувствию” нынешнего дня.

В. Тимошенко часто цитирует своего учителя по ВГИКу философа Мераба Мамардашвили: “Дьявол играет нами, когда мы не мыслим точно”. И далее продолжает свою мысль: “Если мы не ищем и не даём ответа на главные вопросы столетия, мы обречены двигаться по кругу, раз за разом в чертог тень возвращаясь. Главные же вызовы начала нынешнего, XXI века, их таин-

ственная, пугающая абсурдность, весьма напоминают те, что побуждали философов Евгения Трубецкого ровно сто лет назад.

Мировой кризис, само целеполагание общества потребления – ещё большее потребление – входит в противоречие с ограниченностью и конечностью природных ресурсов, порождая экологически абсурдную экономику. Можно привести ещё много примеров, от наркомании как некой формы суицида до так называемых безмотивных преступлений. Всё это, так или иначе, всего лишь синдромы утраты Смысла жизни”.

За этим, по всей видимости, стоит глубокий кризис традиционного научного сознания с его идеей бесконечного положительного прогресса, а возможно, и собственно самого материалистического взгляда на мир.

“Я не понимаю, как человек интеллигентный может быть не способен хоть частично отождествить себя с неким высшим судьёй, который видит в нём всё до дна”, – говорил Мераб Мамардашвили. Парадоксально, но этот современный нерелигиозный философ очень близок в своих выводах к Е. Н. Трубецкому. А ещё он говорил, что “мы живём в христианском мире, и это не зависит от того, сколько людей ходит в церковь”. Помимо веры, по его мнению, это вопрос глубинных основ языка и природы мышления.

Евгений Николаевич Трубецкой... Его судьба, произведения, сам строй и способ мышления князя Евгения, как мало что на свете, подтверждают, что нет в мире другой истории, кроме истории движения человеческой мысли. Все исторические события, какими бы потрясающими и самодостаточными они ни выглядели, – лишь следствие, внешнее проявление этой битвы идей.

Самая большая ценность сегодня – это подлинно целостное мировоззрение. Редчайшее сегодня, по-настоящему целостное христианское мировоззрение Трубецкого (“Смысл войны”, “Два зверя”, “О русской сказке”, “Смысл жизни”) вдруг прозревает в потоке времени, состоящем, казалось бы, из бессмысленного набора фактов, Священную историю. “Оно, православное мировоззрение, возвращает нам доверие к жизни, даруя историю, у которой есть Начало, конечное Преображение и наше место в ней. Историю с отчётливой иерархией ценностей, в которой можно и хочется жить, несмотря на её очевидную трагичность”, – говорит Валерий Тимощенко.

Становится отчётливо ясно: если в нашей жизни нет напряжённого поиска Смысла (наипаче – “Ищите Царствие Божие”), который собственно и составлял содержание жизни Евгения Трубецкого, если “психоанализ” нации отсутствует, то “невроз” континентальных размеров неизбежен, а война, первая, вторая или третья – это только один из его симптомов.

... Семья Трубецких – это какое-то поразительное созвездие мыслителей, деятелей искусства и культуры, священнослужителей. В ней, несомненно, есть некая тайна, секрет рождения и воспитания подлинно свободной творческой личности. Многие исследователи и современники в мемуарной литературе говорят об этом. “Секрет” этот хранила мать Евгения – Софья Алексеевна Трубецкая, урождённая Лопухина, наследница не менее знаменитого, чем Трубецкие, аристократического рода. Пожалуй, именно она смогла создать в семье особый, может быть, даже и недостижимый в современном обществе настрой, который при полном соблюдении православного канона жизни, строгой ориентации на служение Отечеству поощрял творчество, живую мысль. Она была очень музыкальна, и все её дети, включая Евгения, обязательно занимались музыкой. Быть может, в этом секрет особой тональности, образности и ясности мысли членов этой великой семьи. Но самое главное: она была искренне и глубоко религиозна. В семье Трубецких была создана особая патриотическая атмосфера, особое внимание к тому, что происходит с Россией и миром. Волею судьбы нам удалось встретиться и побеседовать с внучкой Евгения Николаевича, супругой настоятеля русского православного храма в Вашингтоне матушкой Марией, урождённой княгиней Трубецкой.

Не случайно и Евгений Николаевич, и его брат Сергей стали выдающимися русскими философами. А сын Сергея, племянник Евгения Николаевича, Николай Сергеевич Трубецкой, выдающийся русский философ и филолог, один из основателей и, наверное, самый яркий представитель евразийства – философского течения XX века. Пожалуй, только они смогли построить философскую систему, которая убедительно, блестяще и, увы, беспощадно интерпретировала катастрофу 1917 года, то, что произошло в России в предреволюционные и революционные годы.

Лев Николаевич Гумилёв — философ и географ, создатель теории этногенеза, пусть во многом спорной, хотя альтернативу ей в данный момент сложно представить, как известно, называл себя последним евразийцем. Но Евгений Николаевич Трубецкой, на мой взгляд, ещё не понят, не воспринят современниками, как это случилось с Гумилёвым. Он пока “неоткрытый материк”.

По словам Мераба Мамардашвили, первое, что должен сделать философ, это “убить в себе человека своего времени”. Трубецкой в своих трудах, несомненно, поднимается над исторической конкретностью. И всё же исторический фон, на котором он создавал свои философские труды — Первая мировая война, — важен, выражаясь христианским языком, “промыслителен”. Корни очень многих сегодняшних геополитических реалий именно там, в Первой мировой. Там причины крушения величайших христианских империй: Германской, Австро-Венгерской и нашей Российской. Гитлер и Сталин, Черчилль и Ататюрк, Джон Толкин и Евгений Трубецкой — все они родом из Первой мировой. . .

Сегодня, сто лет спустя стало очевидно, что главная битва тогда шла не за окопы под Верденом, а за всё поствизантийское пространство, которое тогда занимала Османская империя — она ведь включала в себя весь арабский мир, часть Европы, часть Персии, Палестину. Тот, кто владеет Константинополем, владеет Босфором, кто владеет Иерусалимом, владеет Суэцом. Но поразительно, что немцы оказались на Босфоре и Суэце ещё до войны и без всякой войны. Цикл фильмов Валерия Тимощенко “Крестьянская история” предельно чётко, с документальной достоверностью раскрывает, в чём тайна этой дипломатической операции и неправдоподобно крепкого германского союза с Турцией.

Увы, он стал возможным за счёт отречения от христианства. Кайзер Вильгельм приехал в Стамбул в мундире турецкого фельдмаршала, его прозвали “ходжа Вильгельм”, были распущены слухи, что он принял ислам. Власти предрешающие германской империи всячески давали понять туркам, что христианство не является для них чем-то незыблемым и определяющим, а значит, препятствий их союзу и разделу мира нет. Фантастично, но именно германская разведка разработала план священной войны мусульман Османской империи против всех христиан, то есть против русских, англичан и французов. Сегодня очевидно, что за это отречение немецкий народ заплатил очень дорого в Первой, а затем и во Второй мировой войне.

За этими геополитическими потрясениями стоят два важнейших события в философии, возникшие в конце XIX века и ставшие реальностью европейского общественного сознания в начале XX-го — феномен Фридриха Ницше и дарвинизм. Причём теория естественного отбора и борьбы видов, принцип “выживает сильнейший” властями поддерживаемыми некоторыми европейскими, формально христианских стран были перенесены на взаимоотношения между народами. Что же касается Ф. Ницше, сами названия его программных произведений говорят за себя: “Антихристианин”, “По ту сторону добра и зла”. В них содержится беспрецедентная по остроте и философской напряжённости критика христианства.

Внешним проявлением этой антисистемы (термин Л. Гумилёва), этого этапа в истории движения человеческой мысли, суть которого — отказ от христианства, только на поствизантийском средиземноморском и причерноморском пространстве, и именно в те пять лет, когда писались и публиковались главные труды Е. Н. Трубецкого, стали беспрецедентные в мировой истории этнические чистки, обмен населением и трагедия геноцида армян, колоссальные жертвы гражданской войны и политических репрессий в России. Позже, уже после смерти Трубецкого, война эта проявила себя через Апокалипсис Второй мировой, через спланированное уничтожение евреев, славян и цыган.

“И, быть может, главное оружие Врага — подмена философии идеологией. Философствование есть свободный акт, восприятие философии требует сотворчества, мучительного труда. Нужно совершать постоянное духовное усилие, чтобы оставаться живым, научиться снимать маску, которая у нас временами прирастает к лицу.

Идеология же — это то, что воспринимается без усилия, рабски, как данность. Само её возникновение возможно лишь благодаря массовому бегству от свободы и отречению от любви и мудрости. Человек философствующий и человек, живущий идеологией, — разные явления. Святое Евангелие написано в виде притч; чтобы воспринять их, необходимо символическое мышление,

сотворчество. В этом смысле не может быть христианской идеологии. Отказ от свободы, от философствования, от сотворчества с Богом в пользу идеологии, в пользу слепого подчинения, по мнению Трубецкого, есть, по сути, отказ от христианства и главная причина неисчислимых бедствий столетия”, – говорит Валерий Тимощенко.

Немцы, давшие миру самые великие философские школы, потерпевшие, несмотря на всю стойкость и умение воевать, сокрушительное поражение и в первой, и во второй войне, попытались вернуться к осознанному христианству. Вся социальная помощь сегодня в Германии идёт через Церковь. Но, увы, этого, по-видимому, недостаточно. Потеря глубокой искренней веры всё же произошла в народе. В Германии уже нельзя сказать “Рождество Христово”, а только “Рождество”. Уже нельзя показать видеоклип с молитвой “Отче наш” на федеральном телевидении. Об этом с глубокой печалью говорит архиепископ Марк – нынешний глава православной Церкви в Германии, немец по национальности.

Есть два знаковых места для Евгения Трубецкого, значимых в его судьбе. В начале века в Москве жила красавица, богатейшая женщина Маргарита Кирилловна Морозова. У неё было несколько домов на Арбате, один из них – в Мёртвом переулке. Она глубоко полюбила князя Евгения. Эта любовь осталась платонической, между ними ничего не осуществилось, кроме искренней духовной привязанности.

Мы не стали бы упоминать об этом личном переживании, если бы оно не сыграло для русской философии такую огромную роль. Маргарита Кирилловна предложила князю Евгению финансировать религиозно-философское издательство и проводить в её доме религиозно-философские вечера. Так на Арбате стали собираться лучшие, молодые тогда, представители русской религиозной мысли. Красивый, старинный дом, залы с угощением для гостей, слушателей, со специальным помещением для лекций, дискуссий; стены увешаны иконами, тогда ещё только-только открываемыми. В эти годы, то есть всего лишь сто лет назад, реставраторы и через них – Россия, впервые открыли для себя и для мира подлинную древнерусскую икону – “Троицу” Рублёва, например.

На собраниях общества обсуждали самые разные вопросы, а издательство решили назвать “Путь”. В нём был издан двухтомник Евгения Трубецкого о Владимире Соловьёве, там же впервые вышла книга Павла Флоренского “Столп и утверждение Истины”, том сочинений Киреевского, впервые, спустя более семидесяти лет после их создания, были изданы сочинения Чаадаева.

В этом пространстве сформировалось уникальное русское религиозно-философское движение, спасительное и для России, и для мира. Неудивительно, что оно так последовательно, в том числе и физически, уничтожалось богоборческой властью. И всё же часть его успела выплеснуться за пределы советской России и повлиять на возникновение философской школы, литературное и духовное наследие которой сегодня к нам возвращается.

И когда Евгений Трубецкий подводил философские итоги, суммировал своё мировоззрение в книге “Смысл жизни”, на титульном листе он поставил тот самый знак издательства “Путь”, хотя само издательство было уже ликвидировано в катастрофе революционных лет.

В Новороссийске, на восемнадцатой версте в сторону Кабардинки, было имение тётушки князя, княгини Трубецкой. До сих пор сохранилась её чайная – небольшой домик на высоком берегу над Цемесской бухтой. Эта бухта стала последним русским берегом для тысяч эмигрантов и последним земным пристанищем для Евгения Николаевича Трубецкого. В Новороссийске Трубецким было закончено самое значительное, всеобъемлющее, универсальное произведение, коим по его собственному признанию, является фундаментальный труд “Смысл жизни”.

Почти два года длилось это пребывание на юге России, на острове между войной и миром, между христианской Империей и коммунистическим Союзом. Это было странное состояние, странное государство на юге России, денкинское правление на Кубани, врангелевский “остров Крым”. Таинственный, в философском смысле весьма продуктивный, временами даже безмятежный и уж точно не до конца осмысленный соотечественниками период русской истории.

У этого времени и у этого места, есть, несомненно, и своя священная история, что очень важно, зафиксированная не только событийно, но и изобра-

зительно в фото- и кинодокументах, просто о ней мало кто задумывался. В тридцати километрах от дома, где живёт Трубецкой, в сторону Краснодара в посёлке Горном в этот момент служит святой Феодосий Кавказский. В тридцати километрах в сторону Анапы живёт будущая Мать Мария (Пиленко), больше известная как поэтесса Мария Кузьмина-Караваева, героиня Сопровитвления, мученица Освенцима, также причисленная к лику святых в Зарубежной православной церкви, более того, оказывается, они были знакомы. Недавние исследования говорят, что юная мать Мария исповедовалась у святого Феодосия. Он жил уединённо, почти отшельнически. Но когда его арестовали в 1938 году, то сфотографировали для следственного дела, и у нас теперь есть изображение святого.

Евгений Трубецкой написал множество памфлетов, статей о мировой войне, революции, гражданской войне. Увы, он отчётливо видел, что страна неизбежно должна пройти через тяжёлые очистительные страдания. «Религия есть то, что связывает людей воедино. Когда она перестаёт их связывать, они друг другу – либо враги и соперники, либо случайные союзники в целях ограбления и эксплуатации других людей», – писал он в своей работе «Смысл жизни». Этот труд, пронзительный по своей ясности, необходимо сегодня изучать в школьном курсе истории или литературы, иначе молодое поколение обречено на тот же макиавелизм, о котором Е. Н. Трубецкой писал столетие назад. Последнюю свою лекцию «О возрождении религиозного сознания в России» Евгений Николаевич прочёл в Народном доме Новороссийска. Зал был полон.

С этого времени его произведения больше не переиздавались, имя его было вычеркнуто из истории русской культуры, и только с начала 90-х годов XX века он и его брат Сергей возвращаются к нам.

Евгений Николаевич Трубецкой не уехал в эмиграцию вместе с отступающими белогвардейскими частями, которые в двадцатом году садились в Новороссийске на корабли и уходили в Константинополь, затем в Париж, Сербию, Америку. «Родину, как мать, в болезни не бросают», – сказал он, и остался в Новороссийске. В этом же году он заболел сыпным тифом и умер. Евгений Трубецкой похоронен в Новороссийске, на церковном кладбище, в самом центре города. На могиле выдающегося философа-богослова XX века даже не было креста в течение более семидесяти лет.

Теперь на его могиле стоит строгий гранитный крест, который весной 1995 года поставили несколько новороссийцев без лишнего ажиотажа и шумихи. Среди них был кинодокументалист Валерий Тимощенко. Всё это снято и осталось в архиве Краснодарской киностудии имени Н. Минервина. На плите написано: «Князь Евгений Николаевич Трубецкой. Русский философ-богослов. 1863–1920»...

Схему расположения могилы прислали из Америки, из местечка Новодивеево, штат Нью-Йорк, где жили потомки Трубецких. Они же прислали некоторую сумму денег, примерно пятую часть от необходимой. Остальные средства собрали горожане, просто частные лица. Произошло это в начале 90-х, в период для провинциальной России нелёгкий, точнее сказать, нищий период истории. Тогдашние городские и краевые власти к этому не имели никакого отношения, более того, как могли, ставили палки в колёса. Значительную часть суммы дал один из тогдашних староспелых банкиров. Ну что же, это вполне соотносилось с тезисом Трубецкого, о том, что Совесть, Со-весть есть явление сверхъестественное, метафизическое, ни из чего не выводимое.

За этим событием последовал приезд из Москвы в Новороссийск группы самых значительных исследователей творчества Е. Н. Трубецкого, мыслителей и культурных деятелей России. Среди них были философ Альберт Соболев, биограф Трубецкого и философ-богослов Сергей Михайлович Половинкин.

Москва и Новороссийск, столица и казачий пограничный край России, нынешняя Россия и православный мыслящий мир русской эмиграции вновь соединились через личность князя Евгения Трубецкого.